

И. С. КНИЖНИК-ВЕТРОВ

М. А. Бакунин и Парижская коммуна 1871 г. (По новым материалам)*

III. Бакунин как идеолог социальной революции

Перейдем теперь к некоторым фактическим справкам о том, что представлял собою по своей идеологии накануне Коммуны Бакунин, по сравнению с Марксом, Прудомом и Бланки, и вследствие чего парижские коммунары во многом следовали его программе.

Основное, в чем отличался Бакунин от Маркса и Бланки, заключалось в том, что он исходил, главным образом, из своего страстного желания социальной революции и из такого же страстного желания французских революционеров, и потому, не учтя всей сложности создавшейся международной конъюнктуры, считал франко-прусскую войну наиболее удобным моментом для успешного совершения социальной революции. Лишенный дальновидности Маркса, Бакунин недооценивал силу сопротивления буржуазии и переоценивал сознательность и организованность рабочих и потому не предвидел неизбежного поражения Коммуны до своего выступления в Лионе. Но как раз этот недостаток предвидения и готовность Бакунина ползть в революционный огонь, хотя он был уже почти старик (ему было 57 лет), и пламенная вера его в безусловную необходимость Коммуны, окружали Бакунина в глазах французских рабочих особенно светлым ореолом.

Будучи таким же пламенным патриотом Франции и страстным противником немцев, как и Бланки, Бакунин, однако, в отличие от Бланки, ставшего на короткий срок оборонцем, не боялся на-

* Работа эта была прочитана и обсуждена 13 февраля 1929 г. в Ленинградском отделении коммунистической академии (бывшем Институте марксизма), после чего автор внес в нее некоторые дополнения и изменения.

рушить «сотрудничество классов» во имя «всеобщего спасения» от немцев, а, напротив, в организации гражданской войны видел единственное средство как для того, чтобы воскресить победоносные против внешнего врага доблести революционеров Великой французской революции, так и для того, чтобы использовать войну для «социальной ликвидации» всего буржуазного режима не только во Франции, но и во всей Европе.

«Если вы желаете спасти Францию от рабства, разорения, нищеты на целые 50 лет, — писал Бакунин рабочим в Лион 23 августа 1870 г., — вы должны совершить то, перед чем поблекнул бы патристический порыв 1792 г. Дело Франции стало делом человечества (см. Бакунин. Изб. соч. Том. I, стр. 42). 29 сентября 1870 г. Бакунин писал: «Лион — вторая столица Франции и ключ Юга... Если Лион восстанет, он неизбежно увлечет за собою весь юг Франции. Лион и Марсель сделаются двумя полюсами чудовищного национального и революционного движения, — движения, которое, разом поднимая деревни и города, возбудит сотни тысяч сражающихся и противопоставит по-военному организованным силам нашествия всемогущество революции» (см. там же. Том II, стр. 18).

При этом Бакунин имел то огромное преимущество в глазах французских интернационалистов перед Бланки, что, как это констатировали Энгельс и Лафарг¹ в уже цитированной нами их брошюре об «Альянсе» Бакунина и об Интернационале, «с самого появления их на свет органы Альянса «не ограничились пропагандой своей специальной программы... но настойчиво создавали и поддерживали умышленную путаницу между их программой и программой Интернационала. Это повторялось повсюду, где только Альянс имел в своем распоряжении печатный орган или сотрудничал в нем»... В то время «секта (Бакунина) не надела еще свою антиавторитарную маску»* и, как увидим ниже, по многим вопросам Бакунин, не указывая на Маркса, как на источник своих идей, высказывался так, что его вполне можно было принять за настоящего интернационалиста.

На что же надеялся Бакунин, строя план использования «дела Франции» для «дела всего человечества»?

Полный революционной страсти, Бакунин пишет Герцену и Огареву еще 19 июля 1866 г.: «После трехгодовой трудной работы я добился положительных результатов. Есть у нас друзья в Швеции, в Норвегии, в Дании; есть в Англии, в Бельгии, во Франции, в Испании и в Италии; есть поляки, есть даже несколько русских».

* См. «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» в «Материалах для биографии Бакунина», т. III, Гиз. 1928, стр. 503.

(См. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву» с биографическим введением и объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова, изд. Врублевского. СПб. 1906, стр. 278.) Под «друзьями» Бакунин понимает здесь членов международной тайной организации, которую он за эти три года основал помимо Интернационала и в которую он вскоре попытается втянуть и главных деятелей Лиги мира и свободы и Интернационала.

Но рассчитывал ли, прежде всего, Бакунин в своих планах социальной революции на один лишь тесный кружок революционных конспираторов?

Как видно из одного из первых вариантов программы «Международного Альянса социалистической демократии (иначе — просто «Альянса»), опубликованного впервые Неттлау в 1923–24 гг. в Берлине в «Анархическом вестнике» (№ 5–6) и перепечатанного в 1926 г. душеприказчиком П. А. Кропоткина по изданию его сочинений Н. К. Лебедевым², доказавшим, что этот вариант записан Бакуниным не позднее 1868 г. Бакунин на первый план ставил в социальной революции рабочий класс.

В пункте 17 этого варианта своей программы Бакунин говорит, между прочим:

«Благодаря громадной морализующей силе, присущей труду, как таковому, благодаря также тому, что, требуя справедливости, свободы и равенства для себя самого, рабочий тем самым требует их и для всех... наконец, благодаря тому, что современный рабочий мало пользовался благами жизни и не успел еще развратиться в такой степени, как господствующие классы, и еще благодаря тому, что при отсутствии образования рабочий обладает тем огромным преимуществом, что его нетронутые ум и сердце не были развращены эгоистическими интересами и корыстной ложью, что он сохранил в себе неиспользованной всю природную энергию, между тем как все привилегированные классы вырождаются, слабеют и гнивают, — благодаря всему этому один только рабочий класс не утратил веру в жизнь, имеет настоящее представление об истине, свободе, равенстве и справедливости и стремится к их осуществлению; в силу этого только рабочему принадлежит будущее»*.

В апреле 1868 г. свое письмо и парижскую газету «*Démocratie*» Бакунин также заканчивает заявлением, что, прежде всего, надо возложить надежду на рабочий класс (см. Michael Bakunin. *Gesammelte Werke*, Band III. Berlin. 1924. S. 78).

* См. журнал «Каторга и ссылка». М., 1926, № 5, стр. 93–105.

В статье своей о международном движении рабочих и органе романской федерации Интернационала «Egalité», в номере от 22 мая 1869 г., Бакунин объявляет единственным движением, имеющим будущее, международное движение пролетариата, отвергал всякое значение за движением средней и мелкой буржуазии, если они не примкнут к пролетариату (см. нем. издание сочинений Бакунина, том III, стр. 55–57).

То же серьезное отношение к рабочему классу, как к единственному важному деятелю революции, проглядывает и в письме Бакунина к Герцену от 28 октября 1869 г. О «буржуазном мире» Бакунин здесь пишет: «я не ставлю его в грош, не признаю в нем более никакой производительной, поступательной силы». Не то для Бакунина «мир рабочих»: «это единственный мир, в который я верю на Западе, точно так же, как... (у нас) мир мужицкий и грамотный мир беспардонных юношей, не находящих себе ни места, ни возможности занятия в России, — этой сорокатысячной фаланги, сознательно или бессознательно, т. е. по положению, принадлежащих революции...»*

В то же время Бакунин нисколько не отрицает необходимости политики, как ему полагалось бы делать согласно традиционному представлению о нем, как об анархисте. Напротив, Бакунин настолько глубоко убежден в необходимости политики, что в письме к Герцену и Огареву от 19 июля 1866 г. упрекает их в том, что они «составили себе невозможную теорию о перевороте социальном без политического переворота, — теория столь же невозможна в настоящее время, как революция политическая без социальной; оба переворота идут рука об руку и в сущности составляют одно»...

Тремя наиболее близкими Бакунину его последователями в Италии и Испании являются: двое из основателей Альянса Шанелли и Фриша, члены итальянского парламента, и член Альянса Гарридо³, член испанских кортесов. Если Бакунина не шокировало состояние его последователей в числе членов парламента, то очевидно, что им, до Парижской Коммуны, и участие в парламенте почиталось одним из средств для ускорения социальной революции. Мы увидим ниже, что не только сам Бакунин, но и его последователи — Гильом, Варлен и Малон смотрели на парламент так же.

В 1868 г. Бакунин признает «пролетарскую политику» и приветствует победу «Лиги реформы» в Англии в 1867 г., проведенную «с чисто английским терпением и практической последовательно-

* См. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву с биограф. введением и объяснит. примечаниями М. П. Драгоманова. Изд. Врублевского. СПб., 1906, стр. 337–339.

стью» и стремящуюся к всеобщему избирательному праву («не далее, как через 10 лет») и к социальной революции (см. «Федерализм, социализм, антитеологизм» в III томе избр. соч. Бакунина. П. — М. 1920, стр. 143). Бакунин хвалит, конечно, английские тред-юнионы и за их экономическую борьбу путем стачек, так как последние углубляют пропасть между классом буржуазии и классом рабочих.

Что положительное отношение к политике не является для Бакунина случайным до Парижской коммуны, ясно видно из того, что в уже цитированном нами письме его в парижскую газету «*Démocratic*» в апреле 1868 г. он говорит о необходимости не отделять политический вопрос от социального и сожалеет об ослеплении некоторой части европейских рабочих (здесь Бакунин имеет в виду прудонистов), воображающих, что воздержанием от вмешательства в политику своей страны они наилучшим образом служат своим интересам, и полагающих, что экономическое равенство и справедливость можно найти без завоевания свободы (см. немецкое издание сочинений Бакунина, том III, стр. 73–78).

То же самое говорит о политике Бакунин в уже цитированном нами письме к Герцену от 28 октября 1869 г.: «В этом *черном* мире (т. е. в мире рабочих), единственной почве, на которой построится будущее, я, любезный Герцен, признаю и политику и тактику, изучаю внимательно все его сильные и слабые стороны... и стараюсь соображаться с ними...»

Что слова Бакунина о политике не были пустой фразой, ясно видно из опубликованной недавно в третьем томе «Архива Института Маркса и Энгельса» переписки Бакунина с лионским рабочим Альбером Ришаром*, относящейся к 1870 г. Бакунин старался распропагандировать в своем духе именно Ришара потому, что Ришар был наиболее энергичным лидером революционных рабочих Лиона, а в Лионе в то время было около 30 рабочих обществ, среди которых уже велась Ришаром и его товарищами, известными Бакунину, агитация в духе Интернационала, а все эти рабочие были в связи с главными рабочими лидерами Марселя, Руана и других городов юга Франции, а также с Парижем через Варлена, который был душой парижского Федерального Совета Интернационала.

Неверно также и традиционное представление о том, будто Бакунин до Парижской коммуны был против завоевания политической власти сверху вниз и против революционной диктатуры. Напротив, как это видно из проекта программы «Международного революцион-

* Здесь впервые переписка опубликована полностью; раньше же была известна только частично по мемуарам Альбера Ришара.

ного общества», составленного Бакуниным в Италии еще в 1866 г., Бакунин желал, чтобы в итоге социальной революции образовалась система федеративных республик, на основе свободных соглашений, но общины должны быть объединены в провинции, провинции — в нации, нации — в Соединенные Штаты Европы или всего мира. Управление общин мыслилось Бакуниным как представительное, парламентарное, издающее законы, обязательные для всех общин, составляющих данную провинцию. «Объединение провинций в федерацию составляет национальную федерацию; эта национальная федерация руководит жизнью всех провинций и общин через посредство национального парламента»... В федеративных республиках Бакунина есть и реальная государственная сила, принимающая меры воздействия против неподчиняющихся центру низов, — это национальные и провинциальные суды и милиция, состоящая из всех граждан. А на случай, если бы хотя какой-либо из частей революционной федерации пришлось вести войну с враждебным ей государством, стоящим вне федерации, Бакунин предусматривает и создание настоящей армии. (См. Michael Bakunin. *Gesammelte Werke*. Band III. Berlin. 1924. S. 7–28. Цитируется также в III томе «Материалов для биографии Бакунина». ГИЗ, 1928, стр. 39–113.)

Захват власти до провозглашения федеративных республик также мыслился Бакуниным централистически, сверху вниз. Во главе «Международного братства социальных революционеров» стоит центральная директория, которой подчиняются назначаемые ею национальные юнты, в свою очередь назначающие областные комитеты, причем областные комитеты назначают провинциальные комитеты, а провинциальные комитеты создают общинные комитеты. Низшие власти безусловно подчиняются, по мысли Бакунина, высшим... (см. там же).

По-видимому, Бакунин желал, чтобы и Интернационал, руководимый Марксом, имел такую же твердую центральную власть, как и тайный «Международный Альянс социалистической демократии», который был основан Бакуниным в начале 1868 г. вместо «Международного братства социальных революционеров». Как известно, на конгрессе Интернационала в Базеле в сентябре 1869 г., в котором Бакунин участвовал как делегат лионских шелкопрядов и неапольских механиков, постановление о расширении власти Генерального совета прошло по инициативе Бакунина.

Бакунин высоко ценил Интернационал. Об этом свидетельствуют два документа. Один из них мало известен, так как не снабжен подписью Бакунина, хотя несомненно принадлежит или ему самому или кому-либо из его ближайших единомышленников. Напечатан он

в бакунистской брюссельской газете «Интернационал» от 28 февраля 1869 г., затем перепечатан в бакунистских же швейцарских газетах: в «Progrès de Locle» от 3 апреля 1869 г. и в «Egalité» от 15 мая 1869 г. Это — статья о современном строении Интернационала с точки зрения будущего, где Интернационал рассматривается как зародыш будущей Коммуны.

«Секция есть тип коммуны. Здесь объединены рабочие всех ремесел без различия. Здесь должны обсуждаться дела, интересующие всех рабочих какой угодно профессии.

Во главе секции стоит административный комитет, который выполняет мероприятия, декретированные секцией. Вместо того чтобы командировать, как современные администраторы, он повинуетя своим избирателям.

Федеральный совет составляется из делегатов различных рабочих групп; он ведает отношениями между различными ремеслами, организацией труда...

Кооперативные потребительские общества, основанные в большинстве секций, предназначены к тому, чтобы некогда заменить современную торговлю, полную обманов и козней. Они преобразуются в коммунальные базары...

Кассы взаимопомощи и предусмотрительности разовьются гораздо больше и сделаются обществами всеобщего обеспечения...

Невежество, другой источник бедноты, исчезнет вследствие обучения, даваемого каждой секцией...

Проблема *организации юстиции* также решена в недрах Интернационала. Комитеты защиты выполняют эту функцию...

Различные секции, в свою очередь, объединены в федерации, по областям, затем по странам. Эти федерации включают не только группировки по секциям, но и по производствам, как в коммунах. Так будут облегчены сношения между различными группировками, так можно будет организовать труд не только внутри коммун, но и во всей стране.

Обменные учреждения *кредита* будут как бы артериями и венами этой организации... это будет *кредит по себестоимости*...

Наконец, отношения между различными странами обеспечены международным Генеральным советом. Такова будет будущая дипломатия: не будет больше атташе при посольствах, ни проворных секретарей посольств, ни дипломатии, ни военных протоколов.

Центральное бюро корреспонденции, справок и статистики, — вот все, что нужно для связи народов, объединенных братскими узами.

Мы, полагаем, что доказали, что Интернационал включает в себе в зародыше все учреждения будущего. Пусть в каждой коммуне будет

основана секция Интернационала, и этим самым будет образовано новое общество, а старое рухнет от дуновения»...

Другим документом, свидетельствующим, как высоко ценил Интернационал Бакунин, является его статья «Политика Интернационала». В этой статье, первоначально напечатанной в нескольких номерах Женевской газеты «Равенство» в августе 1869 г., а в сентябре перепечатанной в Брюссельской газете «Интернационал», Бакунин одобрял основателей Интернационала за то, что они не касались первоначально в своей программе политических и религиозных вопросов. «У них самих были, несомненно, ясные и определенные политические и антирелигиозные взгляды, но они воздержались от занесения их в программу, так как главной их целью было прежде всего объединение рабочих масс всего цивилизованного мира, ради общего дела... Если бы они подняли знамя какой-нибудь политической или антирелигиозной школы, они никогда не объединили бы рабочих Европы, но еще более разъединили бы их»... (см. перепечатку «Политики Интернационала» в избранных сочинениях Бакунина. П. — М. 1920. Том IV, стр. 7). Но политическая тенденция была удалена вначале из программы Интернационала «только кажущимся образом». Интернационал выбросил из своей среды только буржуазную политику, чтобы основать «настоящую политику рабочих» (см. там же, стр. 8–9). До этой рабочей политики, политики Интернационала, рабочий дойдет совершенно естественно на почве чисто экономической борьбы с хозяевами (там же, стр. 9). «Зная прекрасно, что всякий действительный рабочий является социалистом, в силу условий, необходимых присущих его бедственному существованию, и что его реакционные идеи могут быть только следствием его невежества, Интернационал рассчитывает, что рабочий может освободиться от них при помощи коллективного опыта, а главное — благодаря развитию коллективной борьбы рабочих против хозяев» (там же, стр. 13). Бакунин приписывает самому Интернационалу исключительно *экономические* цели, но он считает, что в процессе борьбы за эти цели Интернационал «расширится и прочно организуется, переступив границы всех стран, чтобы в момент, когда наступившая в силу естественного хода вещей революция вспыхнет, нашлась бы реальная сила, знающая, что она должна делать и в силу этого способная взять революцию в свои руки...» (там же, стр. 22).

В том виде, как эти взгляды Бакунина на Интернационал высказаны им накануне Базельского конгресса 1869 г., они свидетельствуют, что Бакунин придавал Интернационалу огромное значение как организации, долженствующей подготовить в массах и возглавить социальную революцию.

Но сам Бакунин уже в то время вовсе не был склонен ждать наступления революции «в силу естественного хода вещей», а старался провоцировать на нее Интернационал путем организации внутри его своей собственной тайной группы («Альянса»), которая действовала без ведома Генерального совета и должна была поставить его перед собой как перед совершившимся фактом. Хуже всего при этом было то, что Бакунин вовсе не считался с действительной зрелостью для революции рабочего движения и сил Интернационала в разных странах и не понимал, что преждевременно устроенная социальная революция должна повести к разгрому Интернационала.

Что касается Франции, то ей Бакунин предназначал в социальной революции роль авангарда. Как видно из воспоминаний члена «Альянса» Альбера Ришара («Les propagateurs de l'Internationale en France» в «Revue Socialists» за 1896 г., книга VI, стр. 645), парижский интернационалист Бенуа Малон уже в конце 1868 г. через Элизе Реклю и некоторых других членов «Альянса» связался с Бакуниным и ездил к нему в Женеву, затем связался с лионскими альянсистами и решил реорганизовать парижский Интернационал в духе бакунизма. Факт вручения 4 июня 1869 г. мандата Альберу Ришару для пропаганды в духе «Альянса» в Лионе, причем мандат снабжен подписями председателя «Альянса» Бакунина и секретаря его Фрица Хонга, а печать гласит: «Международное товарищество рабочих. Секция Альянса. Женева» (см. этот мандат в книге Тестю⁴ об Интернационале и якобинизме, том I, стр. 402), — факт этот ясно говорит о том, что Бакунин уже в то время задумал и весь явный Интернационал подчинить своему стремлению к немедленной социальной революции.

Непосредственной задачей «Альянса» было в каждой стране организовать группу людей энергичных и интеллигентных, которые в подходящий момент были бы рычагами международной революции (см. воспоминания лионского ткача Альбера Ришара: «Bakouniné et l'Internationale à Lyon, 1868–1870», напечатанные в «Revue de Paris», 1896, номер от 1 сентября).

То, что Бакунин хотел создать своим «Альянсом», можно назвать революционной диктатурой интернациональной партии, задачей которой было совместное согласованное, а главное, одновременное действие вождей революции разных стран, чтобы избежать «распыления революционных сил и их отклонения от прямой цели» (см. Неттлау, Жизнь и деятельность М. Бакунина, стр. 36–37). В одном из своих писем к Ришару Бакунин прямо говорит о «коллективной диктатуре» всех членов «Альянса», — «диктатуре без

шарфов, без титулов, но тем более могучей, что она не будет иметь “никаких” внешних отличий власти» ...

Что Бакунин сам смотрел на свой «Альянс» как на партию, мы видим и из письма его к И. Ф. Беккеру от 4 августа 1869 г.: «Я прошу тебя, дорогой Беккер, — пишет Бакунин, — как друга и партийного товарища, я требую от тебя, как от брата нашего “Альянса”, в основании которого ты принимал столь живое участие» и т. д. (цитировано у Д. Б. Рязанова⁵. Очерки по истории марксизма. Том I, 2-е изд. 1928, стр. 354).

По-видимому, Бакунин инстинктивно понимал, что без *партийного* руководства победа в вооруженном восстании немыслима, но необходимость этого партийного руководства он недостаточно осознал, так как мыслил его себе только как *тайное* и имеющее единственную цель — вооруженное восстание, а не как открытую, обособленную, постоянную партию рабочего класса в каждой стране, которая борется ежедневно и систематически, при всяких условиях, чему по сути дела учил Интернационал, руководимый Марксом, чтобы спланировать и воспитывать рабочий класс, способствуя выдвижению из его среды своих собственных вождей, известных широким массам и пригодных вполне для завоевания политической власти. <...>

VIII. Отношение Бакунина к Парижской коммуне 1871 г.

Об отношении Бакунина к восторжествовавшей 18 марта Коммуне в Париже можно судить по письму его к Огареву: «Вижу слишком ясно, что дело проиграно. Французы, даже работники, не проныты еще достаточно*, а, кажется, урок был ужасный. Но как было его мало! Надо более бед, сильнейших потрясений. Обстоятельства сложились так, что в них недостатка не будет, — и тогда, может быть, дьявол проснется (под «дьяволом» Бакунин разумел революционный дух и анархию). Но пока он действительно не проснулся, нам там делать нечего. В чужом пиру похмелье было бы плохое, чрезвычайно неприятное, тем более, что совершенно бесполезное. Наше дело — готовиться, организоваться, распространяться, чтобы быть готовыми ко дню пробуждения дьявола. А до тех пор тратить свои бедные средства и своих немногих людей, — наше единственное сокровище, — было бы преступно и глупо. Таково “мое окончательное мнение”» (см. Письма Бакунина, указ. издание, стр. 420).

* Гильом и Неттлау толковали эту фразу, что Бакунин считал французских рабочих «еще не на высоте».

Как видим из этого письма, написанного 9 апреля 1871 г., когда Парижская Коммуна уже существовала три недели, разочарование Бакунина в возможности успеха социальной революции действительно было глубокое. По существу, только теперь, наученный опытом восстаний на юге Франции, которыми он руководил, Бакунин пришел к тому же убеждению, которое давно имелось у Маркса. Как и Маркс, Бакунин признает, что «своих людей», то есть убежденных социалистов, немного и что надо их сберечь и надо «готовиться, организовываться, распространяться», чему учил и Маркс. Воистину, крепек только задним умом оказался Бакунин.

Впрочем, и это разочарование Бакунина в революции оказалось временным. В августе 1874 г. он снова принял личное участие в восстании в Италии, доверившись своим друзьям-альянсистам, что там для восстания все готово.

Тем более странным кажется нам неучастие Бакунина в Парижской коммуне, когда там, как правильно определял положение Маркс в своем письме к Кугельману от 17 апреля 1871 г., деморализация рабочего класса в случае подчинения «буржуазной сволочи в Версале»... «была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель любого числа вождей» (рабочего класса).

Но как бы то ни было, Бакунин, имевший доселе столько воли к революции, *не* захотел принять участие в Парижской коммуне. Вместо этого он захотел заняться теоретическим изложением своих идей, полемизируя с доктринерскими, по его мнению, «софизмами школы немецких коммунистов», трактуя о боге и государстве* и занимаясь чтением лекций среди юрских рабочих, принадлежавших к Интернационалу.

Ралли, ученик Бакунина, сообщает, что во время Коммуны Бакунин писал два-три письма Варлену (см. Ралли «М. А. Бакунин» «Минувшие годы», 1908, октябрь, стр. 168). Об одном своем письме к Варлену сам Бакунин упоминает в письме к Озерову⁶ («Жану») от 5 апреля 1871 г. О содержании советов Бакунина Варлену можно догадаться по тому, что он пишет самому Озерову, а затем через 11 дней Огареву. «По всем вероятностям, пишет Бакунин, парижане погибнут недаром, сделав дело: пусть положат с собою по крайней мере пол-Парижа... Только самые отчаянные меры и готовность все рушить с собою может спасти дело» (см. Письма Бакунина, указ. издание, стр. 417).

* То, что Бакунин написал с ноября 1870 г. до поражения Коммуны, озаглавлено: «Кнудо-германская империя и социальная революция», «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов» и «Бог и государство» и напечатано во II томе его Избранных сочинений. П.; М., 1919.

В письме к Огареву от 16 апреля 1871 г. Бакунин пишет на ту же тему: «Покамест нет серьезного движения в провинции, я для Парижа не вижу спасения. Вижу, что Париж силен и решителен, благодаря богам. Наконец-то вышли из периода фраз в период дела. Чем бы ни кончилось, они все-таки создают огромный исторический факт. А на случай неудачи, у меня остается два желания: первое, чтобы версальцы не победили Париж иначе, как с открытой прусской помощью, второе, чтобы парижане, погибая, погубили вместе с собою, по крайней мере, пол-Парижа. Тогда социально-революционный вопрос, вопреки всем военным победам, будет поставлен огромным, неотвержимым фактом...» (см. там же, стр. 423).

Характерно при этом, что в том же письме Бакунин пишет: «если бы зависело от меня, я бы ни Росса (Сажина), ни дю-Ляка (Ланкевича⁷) не пустил бы в Париж».

Мы видим здесь полное неверие в победу Коммуны со стороны Бакунина.

В своих трех лекциях, которые Бакунин прочел рабочим в мае 1871 г. в Юрских горах и которые были напечатаны с записи лишь в 1895 г., Бакунин призывал рабочих к братской солидарности и к революционной организации, а о Парижской коммуне сказал следующее: «Если Парижская коммуна продолжает героически держаться до настоящего момента, то причина этого заключается в том, что парижские рабочие, во все время осады Парижа, объединялись в союзы и укрепляли свои организации. Буржуазные газеты вполне правы, утверждая, что парижское движение вызвано Интернационалом. Да, повторяю я с гордостью, это наши братья интернационалисты своей неустанной работой сорганизовали парижский народ и сделали возможным осуществление Парижской коммуны.

Будем же братьями, товарищами, и организуемся!.. Отныне революция стоит на очереди и она будет стоять еще десятки лет. Она достигнет и нас рано или поздно. Будем же готовиться, очистимся от наших эгоистических привычек, будем меньше разглагольствовать, перестанем быть крикунами и фразерами» (см. Гильом. Интернационал. П. — М. 1922, стр. 199).

И хотя Бакунин кончает свою лекцию возгласами: «Да здравствует социальная революция! Да здравствует Парижская коммуна!» — чувствует, что в успех ее он не верит, ибо если бы он верил в ее успех, то конечно, не лекции бы читал о ней, а поспешил бы в Париж, чтобы возглавить ее. Парижская коммуна остается и теперь для Бакунина «похмельем на чужом пиру», как он выразился о ней в письме к Огареву от 9 апреля, и вмешательство свое в дела Коммуны, как и тогда, он считает совершенно бесполезным.

Остается непонятным, чем «гордится» Бакунин, когда говорит, что «это наши братья интернационалисты (он был бы более прав, если бы сказал — альянсисты) своей неустанной работой организовали парижский народ и сделали возможным осуществление Парижской коммуны». Как увидим ниже, деятельностью парижских коммунаров Бакунин был недоволен.

То, что нам сообщают наиболее ярые поклонники Бакунина относительно его поведения по отношению к Парижской коммуне, представляется нам очень двусмысленным.

Макс Неттлау в своей рукописной немецкой биографии Бакунина (папка II, стр. 547) цитирует одно место из некролога Бакунина по «Бюллетеню Юрской Федерации» от 9 июля 1876 г., где сказано: «Во время Коммуны он (Бакунин) старался помочь парижским социалистам поднятием движения в провинции; но не пришлось еще время говорить о его деятельности в течение этого периода».

Джемс Гильом во II томе своей книги об «Интернационале» (стр. 152) сообщает, что «несмотря на свое неверие в торжество Коммуны, Бакунин 25 апреля 1871 г. выехал из Локарно к Юре, поближе к французской границе, чтобы помочь коммунарам поднятием движения в провинции. В это время Бакунин прочитал рабочим Валь-де Сент-Имье 3 лекции, напечатанные в V томе его сочинений».

Нет никакого сомнения, что автором некролога Бакунина в «Бюллетене Юрской Федерации» был тот же Гильом, а между тем здесь он таинственно заявляет, что «не пришлось еще время говорить о его деятельности в течение этого периода», а в своей книге об Интернационале рассказывает нам о чтении Бакуниным лекций в то время, как Коммуна истекала кровью на баррикадах.

Неттлау далее сообщает в своем примечании к упомянутым трем лекциям Бакунина, напечатанным во II томе немецкого издания сочинений Бакунина (стр. 236), что с 28 апреля до 29 мая Бакунин проживал на Юре, в Сонвилле и Локле и что «в то время были планы помочь Коммуне посредством восстания в провинции, для чего интимные товарищи из Юрской федерации вступили в сношения с секцией Интернационала близлежащего французского города Безансона. Швейцарские интернационалисты должны были направиться туда сильными вооруженными группами и помочь местному движению и провозглашению Коммуны (в Безансоне). Но падение Парижской коммуны в конце мая положило конец всем этим планам»*.

* Отметим кстати, что И. Ф. Беккер в письме к Зорге от 21 июля 1871 г. также говорит о своих попытках поднять движение в помощь Коммуне на юге Франции. «Надо было поднять южную Францию и в этом отношении мы жертвовали,

Судя по тому, что Бакунин прожил на Юре больше месяца и ничего не сделал для Парижской коммуны, кроме того, что коснулся ее на своей последней лекции, можно предположить, что сам Бакунин в планах юрских бакунистов для помощи Коммуне никакого участия не принимал.

Макс Неттлау в своей рукописной биографии Бакунина еще рассказывает, что после падения Коммуны Бакунин был озабочен спасением преследовавшихся коммунаров, доставлением им паспортов, денег и т. п. Но такую помощь коммунарам, как мы знаем, оказывали и многие добрые буржуа, бывшие в личной дружбе с некоторыми участниками Парижской коммуны (см. рассказы об этом коммунара О. Пэна⁸ в его статье «Бегство коммунаров из Парижа» в «Слове» за 1880 г., № 11).

Маркс, который к Коммуне не призывал, как Бакунин, а был ее противником до того, как она была провозглашена, выказал себя гораздо более горячим ее приверженцем и почитателем, чем Бакунин.

По-видимому, Варлена совершенно не удовлетворили те советы, которые давал ему в своем письме Бакунин, так как он, как и Франкель⁹, обратился за помощью к Марксу. Из ответа Маркса на письмо Франкеля и Варлена от 13 мая 1871 г. (можно думать, что это то письмо, которое привез Марксу Лавров, поехавший в Брюссель, а затем в Лондон, чтобы побудить Интернационал пойти на помощь Коммуне) мы видим, что Маркс написал «несколько сот писем во все углы и концы света, где у нас имеются связи» (разумеется связи Интернационала), и он помещал даже в английских буржуазных газетах «контрабандой благоприятные для Коммуны статьи». В самом письме своем Маркс дает членам Коммуны ряд советов, показывающих, что он рассчитывает на ее победу. Не пессимизмом разочарования, как в письмах Бакунина, а разумной бодростью веет от письма Маркса.

Из этого сравнения отношения Бакунина и Маркса к Парижской коммуне мы лишний раз видим, насколько Бакунин был по существу революционером темперамента и потому, временно охладев к делу социальной революции, после своего Лионского поражения, недооценил всего великого значения парижской социальной революции.

дерзали и делали все, что было в человеческих силах. Много раз я из-за этого был в отъезде» (см. уже цитированные нами выше «Письма К. Маркса и др. к Зорге и др.», стр. 29). Так как Беккер и Бакунин в это время уже были врагами из-за вызванного Бакуниным раскола среди романских секций Швейцарии и в письме к Зорге от 3 мая 1870 г. Беккер даже пишет, что больше не уважает Бакунина, то можно предположить, что или Беккер действовал заодно с юрцами, помимо Бакунина, или Гильом и Неттлау приписывают Бакунину движение, в котором он и вовсе не принимал участия.

Если мы сравним и то, что написали по поводу Коммуны Маркс и Бакунин: «Адрес» Генерального совета (иначе «Гражданская война во Франции 1871 г.») и статью «Парижская Коммуна и понятие о государственности» (см. избр. соч. Бакунина, том IV, стр. 249–266), то статья Бакунина, по сравнению со статьей Маркса, покажется нам жалким лепетом.

Бакунин начинает с заявления, что он «сторонник Парижской коммуны в особенности потому, что она была смелым, ясно выраженным, отрицанием государства... Таков истинный смысл... двухмесячного существования и навеки незабвенного падения Парижской коммуны» (см. там же, стр. 252 и 253–254). А через несколько строк уже оказывается, что социалистов в Коммуне было не более 14–15 человек, «остальные были по преимуществу якобинцы», кончившие тем, что, «постепенно увлекаемые логикой революционного движения», сделались «социалистами поневоле, а не по убеждениям» и «не оказались способными ни возвыситься над большинством, ни принять одну из тех решительных мер, которые порвали бы навсегда их солидарность и все их связи с миром буржуазии» (см. там же, стр. 254–255).

Не говоря уже о том, что Бакунин значительно преуменьшает цифру социалистов в Коммуне (по-видимому, он считает социалистами только Варлена и других своих сторонников), поразительно здесь особенно то, что Бакунин запутался в своих представлениях о «большинстве» Коммуны, утверждая сначала, что якобинцы составляли якобы «большинство» в Коммуне, а через несколько строк констатируя, что они не могли возвыситься над «большинством». По-видимому, говоря так, Бакунин забыл, что только что считал самих якобинцев «большинством» и стал уже таковым считать социалистов.

Далее Бакунин говорит: «Вопреки убеждению авторитетных (т. е. авторитарных) коллективистов, — по-моему, совершенно ошибочному, что социальная революция может быть предписана и организована при посредстве диктатуры или учредительного собрания, как естественное следствие политической революции, наши друзья, парижские социалисты, думали, что социальная революция может быть совершена и руководима самопроизвольным действием, исходящим из народных масс, групп и ассоциаций» (см. там же, стр. 257).

В этой тираде Бакунина поражает прежде всего то, что, упрекая авторитарных коллективистов в приверженности к диктатуре или к учредительному собранию, Бакунин забывает, что сам же в Лионе стремился к установлению диктатуры своих сторонников и к созыву

революционного Конвента и совмещал это с призывами к «самопроизвольным действиям». Бакунин не понимает и того, что Парижская коммуна была его собственным духовным детищем. Бакунин здесь забывает, что его постигла в Лионе неудача не потому, что он желал диктатуры и Конвента, а потому, что его не поддержали массы, оказавшиеся еще не подготовленными и недостаточно организованными, что он сам же и признал.

Да и общий тон статьи — бледный и доктринерский, за исключением двух-трех мест, а именно там, где Бакунин указывает, что «сам парижский народ, под давлением которого они (т. е. «большинство») мыслили и действовали, был социалистом более по инстинкту, чем по примеру или по строго обдуманному убеждению» (стр. 255), и где Бакунин с большим чувством уважения говорит о Варлене (стр. 256–257).

Несколько простых и проникнутых сочувствием к делу Парижской коммуны фраз мы находим только еще в статье Бакунина «Ответ одного интернационалиста Мадзини» (см. Избр. соч., том V, стр. 59–70).

Стоит сравнить эту статью, где Бакунин полемизирует с религиозными предрассудками Мадзини, по стилю, по ясности мысли, с его же статьей о Парижской коммуне, чтобы убедиться, насколько Бакунин оказался слабым даже во внешнем оформлении своих мыслей, когда говорил о Коммуне.

Таким образом, по иронии истории, оказалось, что от имени Генерального совета заявил о своей солидарности со всеми актами Коммуны, поставил ей величайший памятник, дал ей наилучшую оценку и анализ ее деятельности не Бакунин, бывший ее вдохновителем, а Маркс, который считал ее до ее возникновения «безумием отчаяния». История оказалась в данном случае справедливой, ибо Бакунин ничему от Парижской коммуны не научился, а Маркс извлек из ее анализа новые полезные уроки для пропаганды пролетарской революции на основах научного коммунизма.

